
Мифы Ремизова: цепь больших и малых вспышек

[Игорь ФУНТ](#) - 06 июля 2017

Body

К 140-летнему юбилею Алексея Михайловича Ремизова, классика русской литературы и искусства

«Ненапечатанные книги меня задушили бы!»

Глаз моей руки опережает глаз моей мысли. **Ремизов**

*Он ночью приплывёт на чёрных парусах
Серебряный корабль с пурпурной каймой!
Но люди не поймут, что он приплыл за мною
И скажут - «Вот луна играет на волнах»...*

Тэффи [Выступала с Ремизовым на благотворительных вечерах помощи эмигрантам.]

«Знание, как итог только фактов, не может дать исчерпывающего представления о живом человеке, в протокольном знании нет живой жизни. Только бездоказательное, как вера, источник легенд, оживит исторический документ, перенося его в реальность неосязаемого мира. История человечества – история человеческого вдохновения, упований – её можно представить как зарождение, борьбу и смену мифов: миф о божестве, миф о свободе, миф о любви». А. М. Ремизов.

Начнём издалека, почти с легенды...

Сверхпопулярный французский бренд Gauloises появился в 1910 г. В эпоху коллаборационистского режима Виши (1940 – 1944) фабрика не без риска пользовалась негласным подпольным девизом: «Liberté, toujours!» – «Свобода, всегда!» Что, в общем-то, мало успокаивало недовольных прогрессистов, долгие годы куривших «Голуаз»: Камю, Сартра. Да и «нефранцузов-голуазцев» тоже: Пикассо, Кортасара.

Естественно, что отношения с Великобританией – бывшим союзником по Антанте – были весьма обесценены. Анри Петен, возглавлявший гитлеровское «Французское государство», в бытность свою громивший немцев в Первую мировую, после ареста (1945)

клялся, что крайне сочувствовал Соппротивлению и элементарно пытался сохранить Республику в целостности, ничего более. Черчилль однажды изрёк: Петен бомбил Англию «без особого рвения». За что последний был приговорён – вместо расстрела – к вечному изгнанию. Где и скончался в возрасте 95 лет. Заказывая себе на ссыльный остров Йе в Бискайском заливе... да-да – вышеупомянутые сигареты!

В Англии, – продолжавшей в войну закупки знаменитого табака, – «Голуаз» общепризнанно был приметой нищеты и бедности, некоей подпорченной, что ли, с гнильцой, инородности. Аристократия, интеллигенция открыто брезговали забугорным брендом.

Так война, не пересекаясь с экономической политикой, что, в принципе, неудивительно, заставляла людей на подсознательном уровне выражать своё нерасположение. Экзистенциально возводя вражеские сигареты в ранг презираемого, чуждого. Одновременно не прекращая ими успешно торговать.

В 1950-м страстному курильщику Алексею Михайловичу Ремизову исполнилось 73 года. Сквозь густой дым Голуаза на нечастых посетителей парижского дома – на рю Буало, 7 – смотрели грустные умные глаза художника. Творца, который как никто другой умел придавать форму хаосу. Заглядывая в тёмные неизведанные глубины народной памяти, его подсознания. Заглядывая в души дорогих ему людей. Осмысливая и освещая искусством владения словом жизнь личную и жизнь современников, его поклонников и соратников.

Неподалёку от Ремизовых, кстати, соседствовал Ю. Анненков, блестящий график, живописец, театральный художник. В том же доме жил давний приятель со времён «Кривого Зеркала» и «Бродячей собаки» режиссёр Н. Евреинов. «Внизу театр, на втором этаже литература», – шутила богема о Евреинове с Ремизовым. А сразу напротив, по другую сторону улицы, – жил один из прародителей сионизма, по выражению Анненкова, доктор Д. Пасманик (умер в 1930).

После Второй мировой войны всякое чувство безопасности исчезло синхронно со взрывом атомной бомбы. Парижане абсолютно перестали быть уверены в завтрашнем дне. Нутром ощущали, что всё на свете меняется с неугасающей быстротой. Откровенно всего боялись: кто-то трепетал, кто-то впадал в истерику.

В моду, подобно восторженному началу века, вновь вошли уэллсовские марсиане, спустившиеся на землю и пытающиеся её завоевать. В свою очередь, Париж, впрочем, как и всю Европу, завоёвывали не пришельцы из иных галактик, а раз от разу охватывали бушующие эпидемии: гриппозная, чахоточная – отголоски войны. Лекарств катастрофически не хватало.

Надо было обладать недюжинной силой ума и воли, чтобы уметь успокоить эти душевные фантазмагии, захлестнувшие город, пробравшиеся в мозг. Затушить пламя страстей хотя бы в небольшом, приватном пространстве художника.

В 70-летнем Ремизове окружающие лицезрели кипящий фонтан энергии, бойцовскую стойкость, напряжённую волю. Одномоментно умиротворение и сосредоточенность. Нацеленные в основном на то, дабы его произведения увидели свет, во что бы то ни стало были напечатаны!

Второй этаж... «квадриллион квадриллионов ступеней». После негромкого звоночка (а посвящённые знали условный сигнал: длинный, два коротких) дверь неспешно приоткрывалась...

Лукавые испытующие глаза пробегались по лицам посетителей: «А я думал – привиденье...» – Голос звучал так, будто приход гостей – редкое явление для хозяина.

Будто он не знал, как обойтись с гостями. Это было лишь внешнее впечатление.

Здесь не лишне обратиться к мемуарам в полном смысле слова «литературной ученицы» Ремизова – Н. Резниковой. До скорбного дня помогавшей ему. Бывшей ангелом-хранителем писателя в парижский период:

«Маленького роста, сгорбленный, с живым внимательным взглядом, А.М. казался существом из другого, не нашего, сказочного мира. Здороваясь, он сильно жал руку своей сильной, сухой, мягкой рукой. Голос был спокойный, ровный и твёрдый, с особенным

значением выговаривающий слова. Меня поразили глаза, их пронизательный, умный и ласковый и вместе с тем шаловливо-лукавый взгляд. Круглые очки в тёмной оправе как будто бы составляли целое с карими глазами, которые, должно быть, очень много видели. <...> Всё существо А.М. очаровывало: улыбка, голос и выражение, из тех, которые дети находят у своих любимых игрушек».

Передняя. Сгущённый запах табака и старых фолиантов. Длинный коридор.

Ремизов провожал всех на кухню, поил чаем с сухарями. С радостью принимая кулёк с любимыми миндальными пирожными, тем же «Голуазом»: merci! Сам двигался медленно. Всё время зажигал сигареты и курил беспрерывно. Сдавалось, сейчас пачка Gauloises вот-вот вспыхнет в его руках.

Затем приглашал в комнату...

На стене висели коллажи из острых клиньев разноцветной бумаги, где выделялись золото и серебро. Он объяснял это тем, что сделал аппликации в память того дня, когда осколок бомбы попал в их дом. И окно разлетелось вдребезги!

Через комнату натянуты две нитки, вроде рыболовных. На них висят разные забавные предметы с оттенком оккультизма. Вместе с тем до странности по-детски простые, потешные.

Ремизов садился за аккуратно прибранный стол, с чернильницей, пресс-папье, курительными принадлежностями; гости – на диван под часы с кукушкой. Алексей Михайлович доставал свежие книги мануфактуры «Оплешник», созданной в 1950-м силами семей, друживших меж собой: упомянутых Резниковых, Андреевых, Сосинских. Предприятия, задуманного специально для выпуска его книг (всего вышло восемь *): «Не будь “Оплешника”, моё имя не существовало бы на книжном рынке», – говаривал он. Тут же предлагал гостям завизировать присутствие в «золотой книге» посетителей. Переплёт коей был украшен рисунками в неповторимом ремизовском стиле.

Как правило, его посещали, кроме ближайшего круга из «обезьяньего хвоста», слушатели Школы восточных языков, – поскольку Россия, Советский Союз были тогда в фаворе: все бросились учить русский. Они спрашивали совета, внимали его рассказам. С удовольствием получая подарки – неброские графические рисунки – портреты российских авторов, поэтов, сюжетные темы в экспрессионистском духе типа «пляшущего демона» для одноимённой книги или «позора» для книги «Подстриженными глазами». (Один рисунок приобрёл у Ремизова Пикассо, – авт.)

Все с сожалением отмечали, что здоровье писателя оставляло желать лучшего. Он продолжал слепнуть. Оттого, куда деваться, А.М. приходилось быть терпеливым слушателем: в пятидесятые он воспринимал литературу по преимуществу со слуха. (За два часа до печального ухода Н. В. Резникова читала ему Лескова: «Под чтение А.М. погрузился в полусон. Полусон перешёл в сон смерти».)

В 1950-е он редко надолго выбирался из своей квартиры. Кроме как на могилу жены, Серафимы Павловны, в день её кончины 13 мая (ушла в 1943). В основном привечая гостей, внимательно их расспрашивая и выслушивая. Например, сын Н. Резниковой – Егор – нередко читал ему сибирские, исландские сказки.

Будучи трудным, труднейшим и даже «искусственным» сочинителем, по мнению критики, филологов, – он очень ценил старшего товарища и друга Розанова. Правда, бывало, засыпал под академические, часто запутанные «мёртвые» фразы последнего: в сложности они вполне могли бы посоревноваться.

А.М. охотно рассказывал о В. Розанове. Любил его как мудреца, философа за «двойные мысли». Любил как человека. Чувствовал его человеческую теплоту и, говоря о том, насколько тяжело временами даётся общение с людьми, вспоминал: «А уж совсем мне было легко с Розановым».

Повествовал, как они порой чаёвничали вдвоём вечерами. Беседовали, рисовали всяческую «ерунду».

Розанов ужасно сердился на А.М., для которого эти рисунки были забавой, «безобразием». Для Розанова же – чем-то почти священным. Спорили об отношении к вопросу пола, его семантике, символиках, пансексуализме. Самое важное, утверждал Розанов, самое обожаемое для него в женщине не пол, а именно та лермонтовская покорность, тихость:

«...но, в разговор весёлый не вступая, сидела там задумчиво одна». Впрочем, всё давным-давно было уже сказано в «Розановых письмах».

«Ремизов А. М. один из умнейших и талантливейших в России людей. Яснородный (в оригинале по-гречески, – авт.), – говорит В. Розанов в «Сахарне», 1913. И дальше, саркастически: – По существу он чертёнок – монашёнком из монастыря XVII в. Весь полон до того похабного – в мыслях, намёках, что после него всегда хочется принять ванну». Этот розановский «чертёнок» напомнил мне творческий конкурс литературных и живописных произведений на тему «Дьявол». Объявленный в 1906 г. журналом «Золотое руно». Куда немолодой уже тридцатилетний Ремизов, начинающий литератор, послал святочный рассказ о деревенской секте сатанистов «Чёртик». Удостоенный тогда первой премии.

А. Блок, входивший в состав жюри, отметил в дневнике: «Ремизов расцветает совсем. Большое готовится время. «Чёртик» Ремизова великолепен, особенно если слушать его из его уст (даровитейший чтец). А на жюри Курсинский прочёл, как пономарь, – и всё-таки мы премировали».

В авторском исполнении Блок вскоре услышал «Чёртика» на ужине-сабантуе у М. Кузмина в декабре 1906-го. После чего черкнул матери ремарку: «...Ремизов читал рассказ, который мы премировали (мне понравился ещё больше)».

Андрей Белый подытожил: «Стальной вихрь безжалостно охватил Ремизова: точно кто-то злой, искони враждебный, встаёт над миром души талантливого писателя. «Чёртик» называет его Ремизов в замечательном рассказе того же имени. Не Чёртик, а Чёрт, принявший образ Тараканщика. <...> И растёт, и растёт образ Тараканщика, словно воплощение стального вихря – шествует он по тундре жизни. Окаянный Тараканщик» (Весы № 2. 1908).

Его старание воскресить допетровский язык всегда было камнем преткновения литературным исследователям. С изумлением отмечавшим, дескать, сложный ремизовский синтаксис, как и синтаксис раннего Замятина, вполне понятен... собственно деревенским людям. Крестьянство, изображённое Ремизовым, «знакомо с горем». Неудивительно, что книжки, сказки Ремизова, исходящие, проистекающие от корней народа, – народу были ясны и милы. В отличие от лиц сословий «высших».

И уж никак они не были близки язвительно-желчному Бунину, – ведущему начало в литературе от Пушкина. Стороннику классически явственной, внятной языковой манеры. Который громил Ремизова почём зря: «Хорош гусь Ваш Ремизов, дорогой Борис Григорьевич! – экзальтированно делился мнением Бунин в 1948 г. с одним из своих любимейших писателей-эмигрантов Пантелеймоновым: – Полвека бесчинствовал своим «русским языком» – теперь пустил слух, что он возвращает нас этим к настоящему русскому языку – «до-Петровскому». Но к какому же именно до-Петровскому? Какое жульничество». – Бунин, конечно, как всегда ёрничал.

Хотя это бунинское неумное «жульничество» не так и плохо на самом деле. Обобщённо его можно расшифровать как ремизовские непокорность, протест против навязанной реальности, отказ от коллективных истин и установленных ценностных прерогатив. Равно обожаемым издетства играм, игрищам: со словом, словообразом, звукорядом. Плюс видеорядом, произнесли бы ныне.

Игра, шутка, фантомный вымысел и загадки занимали особое место в жизни Ремизова. Придуманый им неправдашный, ни на что не похожий мир Обезьяньей Палаты давал богатую тему творческой фантазии читателя. Изобретённая ещё в Петербурге Обезьянья Великая и Вольная Палата продолжала жить и расширяться в Париже. Непосредственно «обезьяний хвост», – немалая группа русских изгнанников, друзей Ремизова, – помогала ему в безрадостном зарубежном житье.

В его тайное общество увертюры 20-го века входили Горький, Блок, Гумилёв, Замятин. Да практически все близкие писатели, поэты, художники, музыканты. Люди оригинальные и увлечённые, с их чудесными прозвищами. Постепенно превращаясь из лёгкой шутливой игры в объединение людей творческих, ищущих, нестандартных. Обретающихся вне всяких норм и мещанских устоев.

В непростых условиях издательского бизнеса в русской эмиграции наиболее крупные его

вещи, созданные в 1920 – 40-х гг., при жизни автора не изданы целиком. Они публиковались в журналах и газетах отдельными рассказами или отрывками из книг. То были произведения экспериментально большой эпической формы. Такие как «Плачущая канава», «Учитель музыки», «Петербургский буерак», «Иверень».

В завещании А.М. просил обязательно всё опубликовать!

Этому и посвятила всю оставшуюся жизнь Наталья Викторовна Резникова: публиковала, договаривалась с издательствами по всему миру, переводила (воспоминая детства А.М. «Подстриженными глазами»). Несмотря на то, что Ремизов считался самым(!) непереводимым русским писателем. Да и сам он так думал.

Благородные усилия Н. Резниковой были подхвачены её сыновьями – Егором и Андреем, оказавшими бесценную помощь Пушкинскому Дому при издании 10-томного Собрания сочинений Ремизова: Москва. Русская книга, 2000 – 2003.

В первые годы эмиграции А.М. жаловался, мол, его категорически мало и неохотно печатают по причине чрезвычайной «непонятости». Играло, разумеется, роль и то, что настоящим эмигрантом А.М. никогда, по сути, не был. Непреодолимая свобода его духа не укладывалась в какие-либо формалистические рамки. Жил он исключительно сам по себе, ни к кому и ни к чему не примеряясь и не привязываясь.

С 1931 по 1949 г. печатание его трудов совершенно прекратилось.

В последние годы, наоборот, его стали довольно охотно брать во все русские зарубежные газеты и журналы – Европы, Америки. Даже в такие, каковые были ему глубоко чужды.

Тем не менее, А.М. печатался всюду – молчание душило его, угнетало и тяготило.

У него остались сонмы незаконченного, неизданного. В том числе продолжение «Подстриженных глаз» – «Иверень»: воспоминания о годах тюрьмы, ссылки, литературных приключениях и встречах в Петербурге. Также «Учитель музыки»: из долгого эмигрантского бытия; «В розовом блеске»: трагическая история семьи etc. Единственной предсмертной просьбой было непременно всё выпустить в свет.

«Когда-нибудь ночью я проснусь, захочу вздохнуть – и не смогу. Я всегда засыпаю с этой мыслью». А. Ремизов

Он не проснулся... так и умер во сне, тихо, беззвучно. Не страдая и не мучаясь. Умчав в бесконечность на корабле с чёрными парусами... К своим родным и близким, ушедшим ранее.

Рядом, на прикроватном столике, напоминанием о «тщетности оков» лежала распечатанная пачка Gauloises.

*Засни, моя деточка милая!
Убегут далеко твои быстрые глазки...
Раскрылись желанные губки,
Светлое личико ангела краше,
Веют и греют тихие сказки...*

«Посолонь». 1907. Посвящено дочери, жившей в России, вдали от родителей. [Умерла в Киеве, в 1943, в год смерти супруги А.М.]

* Из цикла «Легенд в веках»: 1) «Повесть о двух зверях – Ихнелат и Стефанит» (из Панчатантры), 1950; 2) «Бесноватые (Савва Грудцын и Соломония)», 1951; 3) «Мелюзина. Французские легенды», 1952; 4) «Тристан и Исольда, Бова Королевич», 1957; 5) «Круг счастья (Перстень Соломона)», 1957; 6) «Мартын Задека – о снах и запись снов»; 7) «Мышкина дудочка – Хроника rue Voileau – париж в оккупацию»; 8) «Огонь вещей – сны в русской литературе – о Гоголе – мысли о литературе». Была готова к печати ещё одна –

«Павым пером». Но из-за недостатка средств книгу не удалось издать.

[Игорь ФУНТ](#) - 06 июля 2017

<http://webkamerton.ru//2017/07/mify-remizova-cep-bolsih-i-malyh-vspysek>